

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (2)

2012

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru**http://archaeologie.pro**

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2012

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2012

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2012

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R. S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh. A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N. N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

V. L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M. Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R. D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I. L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S. V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T. B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2012

© Mari State University, 2012

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Editorial Board of Journal, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Галимова М.Ш.</i> Кремневые комплексы мезолита – энеолита северной части Икско-Бельского междуречья	6
<i>Афанасьев Г.Е.</i> О строительном материале и метрологии Хазаро-аланских городищ бассейна Дона	29
<i>Борисов Б.Д.</i> Археологические свидетельства праболгарского присутствия на территории Южной Болгарии	50
<i>Измайлов И.Л.</i> Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы)	66
<i>Данич А.В.</i> Клинковое оружие Пермского Предуралья	86
<i>Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдилов А.Г., Усманов Б.М.</i> Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ)	107
<i>Руденко К.А.</i> О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан	123
<i>Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю.</i> Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья	146
<i>Дубровин Г.Е.</i> Пожар Торговой стороны Новгорода 1508 года	166

Публикации

<i>Нарожный В.Е., Нарожный Е.И.</i> Погребение № 67 Келийского могильника (Горная Ингушетия)	173
<i>Шакиров З.Г., Валиев Р.Р., Ситдилов А.Г.</i> О застройке посадской части Свяжска (по материалам раскопок 2008 г.)	184

Заметки

<i>Чижевский А.А.</i> Керамика с рогожными отпечатками из раскопок городища Лбище в 2003 г.	211
<i>Кочкина А.Ф.</i> Каменная литейная форма с Муромского городка на Самарской Луке	218
<i>Губайдуллин А.М.</i> Исследования на Старокуйбышевском городище	223

Хроника

<i>Ставицкий В.В.</i> III Всероссийская научная конференция «Поволжские финны и их соседи в древности и средние века»	230
<i>Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г.</i> II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей	233
<i>Кузьминых С.В., Чижевский А.А.</i> Всероссийская научная конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы»	242
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5
Подписано в печать 25.12.2012 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 15,75 Тираж 1000
Отпечатано в ЗАО «ИД Казанская недвижимость»

CONTENTS

Galimova M.Sh. The mesolithic – eneolithic flint assemblages
from the north part Ik-Belaya interfluent area 6

Afanas'ev G.E. Buldings materials and metrology
of khazar-alan's Don basin forts 29

Borisov B.D. Archaeological evidences for proto-bulgarian presence
on territory of the South Bulgaria 50

Izmailov I.L. Mortuary and funeral ceremonialism and a amours complex
of the ancient and medieval population (to problem statement) 66

Danich A.V. Blade weapons of the Permien Ural 86

Gaynullin I.I., Ermolaev O.P., Sitdikov A.G., Usmanov B.M.
Complex research of destroyed archaeological monuments on a district
of coastline of the Kuibyshev reservoir near Izméry village
(the Spassky region of the Republic of Tatarstan) 107

Rudenko K.A. Some results of researches of the Ostolopovo settlement
in area Alekseevskoe of the Republic of Tatarstan 123

Nikitina T.B., Efremova D.Yu. The funeral rite of complexes with moulded
tooloes from medieval sepulchers of IX–XII centuries
of the Vetluga-Vyatka interfluve 146

Dubrovin G.E. A fire of the Trade side of Novgorod in 1508 166

Publications

Narozhnyi V.E., Narozhnyi E.I. Entombment № 67 of Keliyskiy burial
(Mountainous Ingushetia) 173

Shakirov Z.G., Valiev R.R., Sitdikov A.G. About building of the suburban
part of Sviyazhsk (on materials of excavations of 2008) 184

Notes

Chizhevsky A.A. Ceramics with bast prints from excavation
on the site of ancient settlement Lbishche in 2003 211

Kochkina A.F. Stone casting molds from the Muromsky towm
on Samarskaya Luka 218

Gubaydullin A.M. Researches on the Old-Kuibyshev
site of ancient settlement 223

Chronicle

<i>Stavitsky V.V.</i> III All-Russian scientific conference «Volga Region finns and their neighbours during Antiquity and Middle Ages»	230
<i>Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh., Shakirov Z.G.</i> II International congress of medieval archeology of the Eurasian steppes	233
<i>Kuzminykh S.V., Chizhevsky A.A.</i> All-Russian scientific conference «Ananyinsky world: sources, development, communications, historical destinies»	242
List of abbreviations	248
Rules for authors	250

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2012 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена одному из важнейших аспектов археологии — реконструкции социальных отношений по данным погребально-поминальной обрядности. Основное внимание уделено теоретическим проблемам соотношения «живой» реальности и ее отражению в погребальных памятниках и особенно предметам вооружения, как ключевому материалу для определения социального статуса и восстановления комплекса вооружения древних и средневековых социумов.

Ключевые слова: археология, могильник и погребальный обряд, погребальный инвентарь, социоархеология, метод «восхождения», этноархеология, реконструкция и социокультурная интерпретация археологического материала, оружие, комплекс вооружения.

В последнее время наметился устойчивый рост интереса к проблемам археологического оружия и расширение круга материалов, привлекаемых для анализа вооружения и военного дела древнего и средневекового населения. Происходит увеличение количества исследований и их качественный рост. Вместе с тем, все это заставляет обратить более серьезное внимание на методичку этих исследований в целом и конкретного материала в частности. В данной работе хотелось бы обратиться к такому археологическому феномену, как могильники и выяснить, насколько он информативен в плане изучения военной истории.

Обычная археологическая практика в этом проста. Все оружие из погребальных комплексов рассматривается, как «живые» комплексы вооружения и, соответственно, анализируются как элементы, отражающие историю военного дела. Однако такой подход при всей его кажущейся очевидности имеет целый ряд методических и методологических изъянов. Во-первых, он не учитывает, что существует разрыв между погребальным инвентарем и реальным набором оружия, неоправданно перескакивая от ископаемого археологического оружия к оружию,

которым пользовалось древнее население. Во-вторых, не принимает во внимание, что оружие из погребений является лишь частью поминально-погребального комплекса, в котором играло свое особое место, причем собственно к военному делу в этой системе оно имело весьма касательное отношение.

Суть проблемы в том, что от внимания археологов, практикующих прямую возгонку от предметов археологии к историческому анализу, ускользает, что оружие помимо своей чисто военной функции в погребальном комплексе играло роль не оружия, а некоего социального маркера. В погребальной обрядности оружие и воинское снаряжение могло иметь прямое отношение к его боевому использованию, когда принадлежало воину, а мог и не иметь, когда был, например, частью поминального дара. При этом само соотношение

погребального оружия и реального комплекса вооружения было не прямым, а косвенным. Например, следует доказать, что в древних обществах воина всегда хоронили с его личным оружием, поскольку общая практика такова, что погребальных комплексов с оружием весьма мало, а в некоторых культурах его там вообще нет. Это заставляет думать, что правило, по которому считается, что воина надо было обязательно хоронить с его личным оружием, придумали археологи для облегчения своих занятий обобщениями, чтобы не затруднять себя излишней работой. Очевидно, что, как и в других подобных случаях, когда мы имеем дело с методологией советской позитивистской «археологической истории», мы сталкиваемся не с глубоким анализом различных процедур исследования, а ссылкой на некий здравый смысл. Если в погребении есть оружие, то мы имеем дело с воином, если рядом находят конскую упряжь, то это был конный воин, а если никакого инвентаря вообще не было, то это безнадежный бедняк или раб. Однако наука не имеет ничего общего с обыденным сознанием, поскольку исходит из более сложных и более трудоемких процедур¹.

В качестве примера можно привести полное отсутствие предметов вооружения в погребениях именьковской культуры (абстрагируясь от того, что ее население использовало обряд трупопожжения, поскольку в других культурах, практиковавших этот обряд, оружие представлено), хотя носителей

ее никак нельзя назвать мирным народом. В других культурах оружие представлено в отдельные периоды времени значительным количеством материала (например, в окско-цинских и посурских могильниках), хотя воинственностью и завоевательными амбициями оно явно не отличалось.

Часто упускается из виду еще один аспект этой проблемы. Наши представления об оружии из погребения исходят из наличия набора оружия, извлеченного в процессе раскопок. Но сам этот комплекс не является даже прямым отражением поминального оружия, поскольку часть предметов вооружения могла заменяться вотивными предметами или какими-либо заменителями и символами этого оружия из недолговечных материалов, которые не сохранились до процесса раскопок в силу естественных процессов археологизации. Примеров этому довольно много и достаточно привести примеры из погребений, где эти материалы сохранились, например, из курганов Нии раннего железного века из Восточного Туркестана. В них, в частности, довольно хорошо сохранились стрелковые наборы, состоявшие из колчана, горита, лука и нескольких стрел, а также ножен кинжала-акинака, хотя самого кинжала в погребении найдено не было. Если бы это погребение было обнаружено в других условиях, то мы бы относили его к числу погребений, имеющих из оружия исключительно лук (если бы сохранились костяные накладки) и набор стрел. Но в реальности этот набор гораздо полнее.

Даже в таком полном виде он не отражает всего набора оружия, которым владел умерший, а только его часть, которая была важной и символиче-

¹ О соотношении научной и обыденной реконструкции погребального обряда и методических недостатках последнего см.: Смирнов, Тендрякова, 1990.

ской для родственников умершего, совершавших обряд. Хотя бы потому, что набор стрел и в этом и в подавляющем числе случаев разных времен и народов, состоял из нескольких стрел. Хорошо известно, что колчан в разные века и у разных народов вмещал до 30 стрел, тогда как в погребении он представлен всего несколькими экземплярами. Вполне очевидно, что, если бы родичи умершего желали положить в могилу к умершему все его оружие, то они могли бы положить полный колчан стрел, но они всегда ограничивались несколькими стрелами. Иными словами, они играли роль некоего символа, а их типологический набор что-то значил для родичей умершего. Но раз стрелы играли явную символическую роль, то и остальной набор оружия также был неким символом воинского и социального ранга.

Все это заставляет полагать, что прямое сопоставление ископаемого оружия с комплексом вооружения древнего населения методически неправильно, а с точки зрения военной истории просто наивно.

Неверно это и с точки зрения методологии археологии. В отечественной археологии данный переход от ископаемых остатков к познанию общества являлся важнейшим элементом понятийного аппарата. Как для направления археологической истории, так и археологической социологии, имевших дело с погребальными памятниками, реконструкция заключалась в простых методах систематизации и обобщения, а также подборе некоторых аналогий, позволявших моделировать древнее общество. Практически все труды под названием «древняя история», написанные в 50–70-е годы, а иногда

и по сей день, структурно состоят из первичной обработки материала, в том числе и погребальных комплексов, и их историко-социологической интерпретации. Но постепенно подобные взгляды и простые процедуры анализа потеряли свою привлекательность, поскольку вступали в противоречие с комплексом историко-этнографических данных.

В зарубежной, главным образом, в англо-американской археологии в конце 60–70-х годов прошлого века набирает авторитет, так называемая «новая археология». Базовые установки ее были в концепции релевантности археологии в объяснении древней истории, которая имела основание в постпозитивистской эклектике. Сходство с советской наукой только подчеркивает тот факт, что при всех апелляциях к марксизму и проклятиях в сторону буржуазной науки, советское обществоведение в конкретных науках основывалось на том же постпозитивизме с его дискретностью и социологизаторством.

В советской археологии 1970-х годов довольно успешно применяли методы формализованного анализа различные специалисты, изучавшие многообразные категории археологического материала, в первую очередь, массового (Статистико-комбинаторные методы, 1970; Археология и естественные науки, 1970; Математические методы, 1972; Каменецкий, Маршак, Шер, 1975). В середине 1980-х годов лидерство в этих исследованиях захватила киевская школа социоархеологии, которая попыталась дать не только теоретическое обоснование, но и представить практическое воплощение этой концепции в конкретных исследованиях (Буня-

тян, 1985; Генинг, 1988; Генинг, 1989; Формализованно-статистические методы, 1990).

Суть этого подхода при всем разнообразии концептуальных подходов сводилась к культурному процессу, имевшему автохтонные механизмы внутреннего развития и обособление различных элементов культуры. В отечественной социоархеологии дифференциация в культуре рассматривалась, в первую очередь, через призму социально-классовых отношений и этно-племенной структуры. Сильной стороной этого направления по праву считается его операционная система: четкое описание процедур исследования, систематизация и формализация материала, концепция моделей и систем и т.д. При этом у этого направления скоро выявились недостатки. Такие как гипертрофированный материализм и социологизм, выражающийся в отказе от рассмотрения явлений, которые не наблюдаются непосредственно в материале, представление о прямом соответствии археологической и живой культур, в пренебрежении или поверхностном обращении к этнографическим параллелям, невниманию к данным этноархеологии, большое внимание к демографическим явлениям, часто служащим универсальной объяснительной моделью для культурных трансформаций и т.д. В конце концов, «новая археология» не стала новой парадигмой для науки, а постепенно сошла с арены идей, обогатив науку целым рядом идей и гипотез, методов и процедур, в первую очередь, формализованно-статистическим анализом

и интерпретационными возможностями².

В современной науке сама концептуальная идея о прямом соответствии археологических древностей с живой культурой была отвергнута и дискредитирована³. Главную роль в этом сыграла этнография и такое ее направление, как этноархеология. Постепенно под давлением фактов большинство археологов было вынуждено признать реальность бурных перемещений народов и культурных контактов, существование расплывчатых культурных границ, наличие переходных и контактных зон, смешанных культур и т.д., что ломает представления об археологической культуре как некоей гомогенной общности, заставляет по-

² Об истории и проблемах «новой археологии» см.: Клейн, 2009.

³ В этом смысле характерен труд В.М. Массона, который являлся важным этапом теоретического осмысления проблемы, показав необходимость выработки новых подходов. Хотя автор в значительной степени следовал методикам советской социоархеологии и западной «новой археологии», делая общий вывод, что погребальный обряд и инвентарь в целом довольно точно отражает социальный статус умершего и позволяет реконструировать социальные отношения, но при этом признавал сложность и ограниченность подобных методик (Массон, 1976, с. 149–176). Автор сделал предметом своего анализа древние общества, которые дисперсно освещены письменными источниками, что открывало простор для различных интерпретаций. Вместе с тем, следует указать, что хотя социальный статус древних вождей наглядно демонстрируется их погребальным комплексом и инвентарем, но сам этот статус не вполне понятен. Для средневекового общества с его развитыми пространственными связями подобный анализ и интерпретация еще больше затруднены.

лагать, что в реальности археологическая культура представляла собой не культуру отдельного этноса и племени, а надэтнической общности – хозяйственно-культурному типу, историко-этнографической области и т.п.

Тем самым в концептуальном плане не подтверждается мысль о прямом соответствии данных археологии поминально-погребальному обряду. В этой связи необходимо проанализировать сначала методологические проблемы и методику анализа соотношения ископаемого погребения и живого реального погребального обряда с тем, чтобы выяснить место, которое в этой системе занимало оружие.

В последнее время этим проблемам в отечественной историографии уделялось довольно большое внимание. Различные процедурные и методические вопросы, а также сама методология вопроса была под влиянием западной науки отработана и выверена. В первую очередь, следует отметить труды Ю.А. Смирнова, который для всего этого комплекса этих проблем предложил термин «тафология» (от греческого *таφος* – «погребение, похороны» и «логос» – «знание, учение») и разработал систему анализа погребального обряда и соотношения его с ископаемыми остатками (Смирнов, 1997). Этим же проблемам посвящены также работы других археологов – В.М. Массона, Н.Б. Леоновой, В.С. Ольховского, В.И. Гуляева, В.А. Алекшина и других (Массон, 1976; Леонова, Смирнов, 1977, с. 16–23; Алекшин, 1986; Ольховский, 1986; Гуляев, 1990; Гуляев, 1993, с.76–77; Ольховский, 1993, с. 79–93; Гуляев, 1995; Ольховский, 1995; Погребальный обряд, 1999).

Ими была разработана четкая методика понимания погребально-поминальной обрядности как сложного и структурированного явления, состоящего из представлений о смерти и «духовного вычленения» умершего из общества, поминальных ритуалов и обрядов («духовно-материального вычленения»). Археологи, как правило, фиксируют лишь небольшую часть из этих акций, причем связь выявленных ископаемых объектов с самими ритуалами довольно опосредована, включая, в частности, процесс археологизации этих материальных объектов (разрушение, разложение, деформация, дискретизация и т.д.).

Приблизительно эту схему можно представить в виде системы вписанных кругов. Самый большой круг – это представления о смерти, которые бытовали в этом древнем коллективе и способы духовного вычленения, меньший круг – это представления о ритуалах и обрядах «духовно-материального вычленения» покойного, которые в материальном плане неизбежно реализуются через поминально-погребальные обряды в момент совершения погребения. Вписанный в него меньший круг – это часть обрядов, которые нашли отражение в материальных остатках, чье археологическое отражение представляет собой еще меньший круг, а самый малый круг – это те следы и остатки, которые зафиксированы в результате раскопок. Данная схема является наиболее сконцентрированным и упрощенным изложением системы представлений и ритуалов, которые *служат* исходной базой для их археологического познания, предложенной рядом отечественных археологов и получившей

признание⁴. Эта схема является хотя и упрощенной, но позволяет составить представление о методологических и методических сложностях, которые стоят перед исследователями, берущимися трактовать те или иные аспекты погребальной обрядности на основе данных археологии.

Археологи имеют дело с выявляемым в процессе раскопок погребальным комплексом, который состоит из трех элементов: погребального сооружения, остатков погребенного и погребального инвентаря.

Интересующий нас погребальный инвентарь в этой системе важная, но не определяющая часть ритуала, но важная с точки зрения того, что она чаще всего и охотнее всего изучается археологами и используется в их исторических построениях. В то время как ископаемые вещи всего лишь то, что сохранилось от поминальных даров и предметов, дошедших до наших дней. Сам погребальный инвентарь является частью поминальных подношений, а они, в свою очередь, лишь часть прижизненного инвентаря. Составлялся он из всего набора живых вещей по особому избирательному принципу, в основе которого лежат представления о смерти в том или ином обществе, в тот или иной период времени. В любом случае список прижизненного набора вещей гораздо шире и представительнее, чем погребальный инвентарь.

Самый сложный и важный вопрос теоретической археологии состоит в том, как формировался список поминально-погребального инвентаря и насколько полно отражен он в ис-

копаемых археологических данных. Самый общий ответ на это состоит в том, что основой для этого «шорт-листа» являются социальные связи и статус каждого человека в обществе. Все исследователи единодушны в том, что социальный статус человека не исчезает в глазах общества после его смерти, а переносится на его тело, которому община воздает то, что полагалось ему при жизни. При этом различия между людьми при жизни, между мужчинами и женщинами, между различными возрастными категориями, между носителями разных социальных статусов и т.д. переносились с живых людей на мир мертвых. Но общество никогда не было статичным. Представления о различиях по полу, возрасту и статусу, их отражении в погребальном инвентаре менялись и трансформировались с течением времени. Особенно это важно, когда есть возможность проследить эти различия на широком хронологическом диапазоне.

Этнографы практически единодушны в том, что на поминально-погребальные обряды и погребальный инвентарь оказывали влияние универсальные для человеческого общества различия по полу, возрасту и статусу. Понимание этого есть практически у всех зарубежных этнологов и археологов, воспитанных на трудах школы социальной антропологии Л. Уайта, Б. Малиновски, А. Радклиффа-Брауна, Клиффорда Гирца, Э. Эванс-Причарда. Они разработали понятие «культура» применительно к этнографическим обществам, ввели понятие «культурная динамика» и сформировали различные подходы к интерпретации культуры: исторический, структурный, структурно-функциональный,

⁴ Более подробное и развернутое обоснование см.: Леонова, Смирнов, 1977, с. 17–19; Ольховский, 1993, с. 80–93.

системный и т.д. В то время как в советской науке преобладал позитивистский квазиматериалистический подход, перетекший в объяснительные модели археологии.

В отечественной этнологии детальные труды по изучению погребальных обрядов как культурной реальности начались сравнительно недавно, а ранее они только описывались и фиксировались несистемно. Прорывной характер носили в этом отношении труды, например, Г.Н. Грачевой, которая проанализировала сведения о погребальном обряде народов севера Западной Сибири (Грачева, 1975, с. 126–142). Проанализировав значительный материал, исследователь сделала целый ряд важных наблюдений о поминально-погребальных обрядах таежных народов, которые обычно ускользают от внимания археологов или кажутся им априори установленными. Например, речь идет о том, чем является то или иное кладбище, а в археологическом отношении – могильник. У археологов Волго-Уральского региона априорно полагается, что каждый могильник прямо соответствует родовой общине и соответственно анализ ее позволяет реконструировать социальные отношения в этой общине.

Здесь весьма важным для понимания общей ситуации является вопрос, на который искала ответа Г.Н. Грачева: где хоронили женщин. Суть его в том, что, если родовые общины были экзогамными и счет родства шел по мужской линии, то женщины должны были происходить из соседних родов и, соответственно, погребаться по правилам своего рода или на своем родовом кладбище. В реальности же каждая община имела несколько клад-

бищ в зависимости от места своего проживания в период зимне-летнего кочевания, а разные общины – общие места захоронения, опять-таки в силу невозможности добраться до места в то или иное время. Часты были одиночные или групповые погребения, сделанные с большим разномом во временном интервале. Относительно народов севера Западной Сибири этнограф сделала вывод о том, что наличие родовых кладбищ у этих народов довольно сомнительна.

Пример селькупов и обских угров показывает, что эти народы в XVII–XIX вв. вели полуоседлый образ жизни. При четком делении на две экзогамные половины у них не было четкого деления на роды, а только на семьи и территориальные общины. По данным этнографов (З.П. Соколова, Б.О. Долгих) даже там, где в ранних источниках делается указание на родовые территории и угодья, на деле оказывалось, что под родом подразумевались поселок или фамилия (см.: Соколова, 1970, с. 130, 141 и сл.; Долгих, 1960, с. 9, 75). Иными словами, кладбища у этих народов имеют не этническую, а территориальную, хозяйственную основу, не родовую, а соседскую. В рядом или близко расположенных могилах хоронили уже не близких по крови родственников, а членов территориально-хозяйственного объединения, в лучшем случае «однофамильцев», а не кровных родичей.

Понятно, что ситуация с народами Волго-Уральского региона периода железного века несколько иная, поскольку оседлость была несколько более стабильной, но остается вопрос о статусе тех или иных могильников. Насколько они родовые и насколько близкими родственниками были по-

гребенные рядом умершие. Учитывая же недостаточную изученность поселений ряда культур, вообще непонятна степень их оседлости, характер хозяйства и социально-родовых связей. Например, могильник, состоящий из нескольких десятков погребений, который функционировал в течение 200–300 лет. Что это за община и насколько возможно рассматривать ее совокупно, как некий общий социальный срез. Есть ли уверенность, что эти погребения отражают пропорциональную смертность на протяжении десятков поколений и точно соответствуют статусному составу общества в каждый отдельный момент времени?

У этнографов нет сомнений, что различия в количестве и качестве погребально-поминальных обрядов и ритуалов в доклассовых и раннеклассовых обществах определяются в первую очередь не имущественными различиями, а статусом. Неравенство в инвентаре – это прежде всего показатель неравенства социального «веса» того или иного члена коллектива и/или его фамилии в обществе. Эти качественные различия накладываются на половые и возрастные страты, а также на индивидуальные занятия и успехи каждой отдельной личности. Понятно, что самый простой случай, это когда выявлено погребение авторитетного представителя богатой фамилии, достигшего преклонного возраста с богатым погребальным инвентарем или бедного юноши из нестатусной семьи, почти без инвентаря. Однако этнографические реалии далеки от подобного шаблона. Этнографические описания пестрят сведениями, когда бедные и незнатные совершенно разорялись, устраивая пышные похороны, а богатые семьи

хоронили своих представителей довольно умеренно.

Особый вопрос в том, что на наличие или отсутствие того или иного набора вещей в погребении могли играть роль разные обычаи. Например, у нганасан вещи, принадлежавшие шаману, использовавшиеся в его практике камлания, вывозились и оставлялись отдельно от места погребения. Или традиционность погребения с умершим того или иного вида вещей. У народов севера Европы, уже с XVIII в. в обиход поступают ружья, а в XIX в. они доминируют в промысловом хозяйстве, точно также, как заводские спички, но тем не менее, в погребения к женщинам клали специально изготовленные огнива, а пожилым мужчинам – лук со стрелами.

В отношении одежды, в которую облачался умерший, можно также сказать, что это была праздничная (не обязательно носимая) погребальная одежда. Например, у нганасан эта празднично-погребальная одежда имела у каждой женщины, причем она менялась в жизни три раза, соответствуя трем возрастным категориям – девушки, женщины и старухи. У мужчин различия касались, прежде всего, детей, юношей и мужчин, причем резкое увеличение количества и качества инвентаря знаменует начало взрослой жизни и/или женитьбы, когда в погребениях появляется не просто имитация лука и стрел, но настоящие охотничьи луки со стрелами, а иногда даже ружье в чехле (Грачева, 1975, с. 138–140). Различия по возрасту прослеживаются также в количестве нарт, забитых оленей, а также других обиходных вещей, сопровождавших погребение. Интересно, что часто вместо самих вещей погребенного со-

проводила его часть, вместо ножа – рукоятка, вместо шестов от чума – их имитацию, не клали к погребенному рыболовную сеть, хотя рыболовством активно занимались. Разумеется, это не универсальные данные, которые легко можно было бы обратить в археологические реалии, а общая схема, которая заметно варьировалась от времени, места и других параметров, включая обстоятельства смерти.

В этой связи археологи сталкиваются с серьезными сложностями, пытаясь реконструировать социальный состав населения, используя лишь данные ископаемого погребального обряда и инвентаря. Если ни для кого из археологов нет сомнений в том, что различия в погребальных обрядах и их изменения прямо зависят от пола, возраста и социального положения умершего и его родственников, то конкретные возможности установления реальных различий, стоящих за разными обрядами и вещами, критерии выделения сословных или статусных различий оказались расплывчатыми и смутными. Простые схемы, наподобие примитивного социологизма – «богатый инвентарь – высокий социальный статус, а бедный – низкий», разбился об этнографические данные и повсеместно в среде серьезных и профессиональных специалистов отвергнут. Хотя и сейчас изредка, с некоторыми оговорками, но используется, хотя эвристические возможности подобного метода ничтожны, а подкрепить его ничем, кроме пресловутого здравого смысла.

Долгое время в среде археологов – сторонников «новой археологии» была уверенность в создании методов, которые позволят им выработать принципы социальной интерпретации погребальных данных. Важную

роль они в этом отводили формализованным и математическим методам и графам взаимовстречаемости вещей и элементов погребальных сооружений. В советской археологии, где подобные грубые социологические схемы практиковались еще с 1930-х годов, разработка этих методов была воспринята положительно и нашла довольно много сторонников и последователей. Но схемы, которые с теми или иными оговорками оказывались работающими, когда их удавалось привязать к конкретным этнографическим данным по индейцам Северной Америки, как это удавалось, к примеру, А. Крёберу по культурам индейцев Калифорнии (Kroeber, 1927, p. 308–315.), оказались отнюдь не универсальными для других регионов. Уже попытки Л. Бинфорда в его программной статье «Археология как антропология» (Binford, 1962, p. 217–255) дать обоснование некоторых принципов формализации обряда и их интерпретации при всей их новизне и важности, при попытках применить их к конкретному материалу, в частности, в Европе привели к сползанию к схематизму и произволу в отборе критериев для реконструкции. Ведь, если первые опыты подобного рода сопровождались проверкой и сопоставлением с данными этнографии для традиционных и изолированных сообществ индейцев, то для Европы с ее разнообразием культур и калейдоскопом обрядов, выявить подобные критерии так и не удалось. Достаточно отметить, что, пытаясь придать динамизм всей этой системе, Л. Бинфорд в ряде более поздних трудов попытался внести в систему критерии случайности и системности, попытался сделать поправку на то, что традиционные социальные функции,

исчезая или модифицируясь, продолжали существовать в символической форме в погребальной практике. При этом универсальных критериев, которые бы выяснили четкие параметры именно социального статуса умершего, отделив их от других – половых, возрастных, имущественных, ни ему, ни другим его единомышленникам по «новой археологии» так и не удалось (Binford, 1971, p. 6–20).

Возвращаясь к предметам вооружения как части погребального инвентаря и их возможных интерпретаций, следует иметь в виду вышеуказанную сложность его как части большего и сложного комплекса явлений, который является погребально-поминальной обрядностью и через нее связью с социальной реальностью.

Общим мнением сторонников социоархеологии является представление о том, что в стратифицированных обществах, к которым по сути дела относятся все древние коллективы с эпохи неолита, все предметы индивидуального пользования – украшения, одежда, предметы труда и оружие имели отличительные признаки социального ранга, что отражалось и в погребальном обряде. Вооружение в этих взглядах играет важную роль, поскольку позволяет реконструировать военную организацию, которая по марксистским представлениям в период разложения первобытного строя имела вид «всеобщего вооружения народа». В соответствии с ними каждый свободный член общества занимал в этой системе отношений свою ступень, соответствующую определенному виду оружия.

Существует много примеров подобной иерархии. Например, у туарегов существовала определенная диф-

ференциация во владении оружием. В предписанных традиционным правом запретах мечом или копьем могла пользоваться лишь высшая социальная прослойка – «аххагары», которые также могли владеть верблюдами, тогда как основное податное население «имгад» не владели оружием и разводили только овец (Першиц, 1968, с. 320–355). Точно так же в районе африканского Межозерья скотоводы тутси владели не только стадами коров, но и специализированным оружием – копьями, а земледельцы хуту несли всяческие повинности в пользу своих владык мвами – правителей Бурунди и других вождей тутси (Соколова, 1998, с. 3–5). Иными словами, подобных аналогий довольно много и с чисто формальной стороны дела владение оружием действительно имело кроме всего прочего функцию социальной дифференциации.

Но это только с формальной стороны. На деле чисто теоретическое положение о глубокой связи между социальным статусом и имущественной дифференциацией при всей ее логичности и, вроде бы, доказательности оказывается простой риторикой, поскольку ни степень социального, ни уровень имущественного неравенства для ископаемого общества неизвестен. Его еще только надо выявить, изучить и интерпретировать, а также разграничить. Часто же исследователь попадает в логическую петлю – сначала постулируя это неравенство, а затем его же доказывая, как бы подтверждая. Но одно недоказанное положение не может быть доказательной основой для другого еще менее сомнительного. В советской археологии с ее жесткой псевдомарксистской догматикой было проще, поскольку она

зиждилась на некоторых идеологических постулатах, но для современной науки они уже не являются догмами, а других доказательств пока не представлено. На деле все это просто, когда заранее знаешь, какова была социальная структура общества и всегда можно соотнести те или иные предметы, орудия труда, детали костюма или оружия с тем или иным слоем.

С реальным археологическим материалом гораздо сложнее, поскольку, как было показано выше, дифференциация шла не столько по имущественно-социальному, сколько по половому, возрастному, профессиональному и статусному признакам⁵. Все они как-то взаимодействовали с имущественными отношениями, но конкретный этот механизм не поддается простому постулированию и схематизации. Например, серьезные и кропотливые исследования курганных памятников ранней и средней бронзы (новотиторовской и катакомбной культур, XXVII–XVII вв. до н.э.) показали, что «слабоконтрастная и даже носящая несколько идиллический оттенок схема НТ (новотиторовского. – *И.И.*) общества находится в известном противоречии с целым рядом разработок других авторов, анализировавших аналогичную проблематику по материалам близкого и даже более раннего времени и считавших возможным говорить о сложении вождества, всадничества, о стратификации, о далеко зашедшем социальном и имущественном расслоении» (Гей, 1993, с. 71). При этом подобные вы-

воды основывались на основе ярких находок, в первую очередь, погребений со скипетрами и с привлечением общеисторических параллелей (см.: Даниленко, 1974, с. 94–104; Корневский, 1988; Бетров, 1982, с. 70, 86).

Подобный анализ был проведен и для памятников эпохи средневековья, например, раннесредневековой Швеции, где Г.С. Лебедев провел детальное изучение могильника Бирка эпохи викингов. Он рассмотрел всю совокупность погребений и разбил ее на группы. Общий вывод его таков: «Прямолинейное отождествление структуры ансамбля некрополя со структурой социальной вряд ли оправдано. Погребальный обряд отражает те или иные социальные ситуации лишь опосредовано, переломленными через особого рода идеологические представления. Для этих представлений, как и для многих других сторон духовной жизни первобытного и варварского общества, характерны застойность, консерватизм, длительное переживание традиций. Поэтому необходимое условие социологической интерпретации погребальных памятников – разделение типов ритуала на социологически детерминативные (определимые, отождествляемые с реальными общественными группами) и индефинитивные. Детерминативные типы ритуала появляются только в данном хронологическом пласте, характеризуются высокой степенью сложности и прогрессивной тенденцией развития. Появление таких типов связано с оформлением новых общественных групп, занявших прочное положение в социальной структуре и испытывающих потребность в идеологической фиксации этого положения. Индефинитивны для данного пласта

⁵ Попытки выявить археологические критерии социальной стратификации древних и средневековых обществ см.: Социальная дифференциация общества, 1993.

типы ритуала, детерминированность которых определена для пласта предшествующего, а дальнейшее развитие характеризуется устойчивой тенденцией к деградации, падением степени сложности ритуала. Социальный статус связанных с этими типами общественных групп может по сравнению с предшествующим периодом не измениться, а может и весьма существенно измениться, однако это изменение не сразу отразится в погребальном обряде. Следовательно, опираясь на данные погребальных памятников, можно с наибольшей степенью достоверности выделить лишь ведущие для каждого хронологического этапа общественные группы» (Лебедев, 1976, с. 29; также см.: Лебедев, 1970). Иными словами, в процессе анализа погребального обряда и инвентаря перед исследователем встают весьма сложные проблемы классификации материала и интерпретации его в плане социальной дифференциации. Искожающее воздействие на наши представления оказывают слишком многие факторы, чтобы их можно было игнорировать для прямой социологической реконструкции.

Ведь в каждом могильнике исследователь сталкивается не с единовременным срезом имущественной, социальной, половой и возрастной дифференциации, копирующей общественное устройство, а с некоей выборкой, еще и протяженной по времени и отражающей как единовременный срез представлений общества о правилах «исключения», умершего, так сказать, «традицию», так и некие социальные (или какие-то другие, нашедшие отражение в идеологии и погребальных ритуалах) сдвиги. Наложение их, особенно в тех случаях,

когда нам не известен «культурный код» ископаемого общества, создает весьма пеструю картину, когда трудно вычлнить традицию и новацию, а их отличить от какой-либо внутриобщественной дифференциации.

Среди многих прочих подобных факторов, следует особо указать на один, подмеченный А.Н. Геем и названный им «ситуационным ранжированием» (Гей, 1993, с. 71). Под ним «следует понимать возможность возникновения определенных ранговых структур и организаций, не свойственных данному обществу и, может быть, даже не соответствующих уровню его развития, но возникающих под влиянием внешних факторов и исчезающих с прекращением их действия, т.е. не являющихся прямым показателем внутреннего развития» (Гей, 1993, с.71). Речь идет о том, что некоторые общества, отнюдь не достигшие высокого хозяйственного и социального уровня развития, могли получать некоторые предметы, в первую очередь, оружия и всаднического (колесничьего) снаряжения из более развитых регионов и даже использовать их в погребальных обрядах. Но стоит этому внешнему импульсу исчезнуть или измениться, как начинает меняться и структура ранжирования в обществе-реципиенте. Например, те же ружья в погребениях нганасан, никоим образом не свидетельствуют об их производстве самими оленеводами, а использование их в погребальном обряде – об их воинственности. В противоположность этому у пуштунов ружье играло огромную роль в воинских обычаях и различных обрядах – свадебных, поминальных и т.д., тогда как в погребениях пуштунов

мусульман никакого оружия быть не могло в принципе.

Особенно это актуально в связи с анализом вооружения как показателя определенной имущественной, социальной и другой дифференциации. Проблема в том, что оружие, особенно престижное, могло играть роль маркера. Проблема состоит в том, что в каждом обществе оно могло и играло свою особую роль, что находило сложное, преломленное отражение в каждом конкретном погребальном обряде, каждого конкретного погребения. И в обществах, которые испытывали внешнее воздействие развитых цивилизаций, оно преломлялось еще более прихотливо. В качестве обсуждения можно привести такой факт. Широко известен факт наличия значительного количества клинкового оружия в погребениях раннесредневековых поволжских финнов. Так, например, в Армиевском могильнике V–VI вв. в 108 погребениях обнаружено 12 мечей (Полесских, 1968, с. 198). Понятно, что все они, судя по аналогиям, были изготовлены на юге или юго-востоке – в степях Северного Причерноморья, Нижнего Поволжья или Заволжья и в Посурье попали в результате торговых контактов. Но поскольку по сравнению с аналогичными погребениями из степной зоны количественный процент погребений с этим престижным оружием весьма высок, то возникает проблема понимания этого феномена.

Это заставляет полагать, что посурские финны получали это оружие в обмен на меха и пушнину, и оно было маркером высокого социального ранга и уважения общества, но при этом оно не играло значительной роли в их военном деле. Обычно в обществах,

где оно имеет утилитарную ценность, его не очень охотно клали в могилу с умершим, а старались передать по наследству, заменяя чем-то другим. Можно даже сказать, что между значением оружия в военном деле (имеется в виду не массовое оружие – луки и стрелы, топоры, некоторые виды копий и дротиков, а качественное профессиональное оружие – мечи, специализированные копья, боевые кинжалы и доспехи) и возможностью его попадания в погребение есть не прямая, а обратная связь – чем важнее оружие, тем реже оно встречается в погребении. В этой связи легкость, с какой качественное оружие, в данном случае – мечи, оказалось в погребениях, свидетельствует о том, что это древнее население регулярно испытывало серьезное военное давление, постоянно теряя молодых воинов, которые не могли передать свое оружие по наследству, либо это был скорее некий маркер высокого статуса в подражании более развитым соседям, но для посурских финнов не играл важной роли, поскольку всегда мог быть заменен на новый клинок. Не исключено, что в этом и других подобных случаях мы имеем дело с социальной имитацией⁶. Суть ее в том, что общество, находящееся на более низком социально-политическом уровне развития, вступая в торговые и полити-

⁶ Весьма интересной в этом смысле является работа американского археолога-слависта Ф. Курты, который, проанализировав целый ряд финно-угорских памятников раннего средневековья, пришел к выводу, что наличие предметов вооружения в целом ряде погребений свидетельствует не о вооруженности населения, а стремления подчеркнуть высокий социальный статус умершего (Курта, 2008, с. 133–153).

ческие контакты, заимствует и/или имитирует социально-властные атрибуты, включая статусные вещи. Предметы вооружения, особенно такие как мечи, сабли и другое профессиональное оружие выполняли подобную социально-престижную роль. При этом их роль в комплексе вооружения могла не соответствовать этому статусу, а способы ведения войны во многом оставаться традиционными, не соответствующими статусу имеющегося оружия. Самый очевидный пример подобного рода – это угры Западной Сибири, которые обладали довольно современным для своего времени оружием и даже имели зачатки дружинной организации, но она была так немногочисленна и непрофессиональна, что проигрывала все войны с южными кочевыми народами, а позднее и с русскими войсками. Просто их военная организация и весь уклад жизни не соответствовал статусу оружия, лишь имитируя более передовые формы ведения войны.

Другая картина вооруженности населения выявляется, когда исследователи обращаются к изучению археологических памятников салтово-маяцкой культуры. Попытки социологического анализа погребений привели археологов к весьма полярным взглядам: от характеристики его как «развитого феодализма» до «раннефеодального общества с патриархальными пережитками», причем иногда эти полярные характеристики сделаны одним и тем же автором в одной и той же работе (Плетнева, 1982, с. 103, 106). Таковы выверты советской социоархеологии. При этом ямные безынвентарные погребения часто трактуются как показатель обнищания населения и его седентаризации. Авторы не

смушает, что количество подобных погребений достигает в некоторых могильниках более 40%, а погребения условно «богатые» с оружием и прочим инвентарем до 20%. Подобные квазисоциологические выводы вызывают справедливую критику, поскольку не учитывают ни общей совокупности всех погребальных обрядов, ни их сравнения, ни их культурно-исторического анализа (Флеров, 1993, с. 119–133).

При этом количество предметов вооружения в салтово-маяцких погребениях сравнительно мало. Так, на Маяцком могильнике из 112 катакомб сабля встречена один раз, а боевые топоры – два (Флеров, 1993, с. 127–128). Примерно такое же распределение оружия в другом хорошо исследованном могильнике – Дмитриевском, в 170 погребениях (152 катакомбы) обнаружено три сабли и один меч, в шести погребениях – обломки сложного лука и в 28 – наконечники стрел, правда, всего найдено 72 топорика, значительная часть из которых может быть отнесена к боевым (Плетнева, 1989, с. 69–76). Примерно такое же распределение предметов вооружения обнаружено в могильниках Среднего Поволжья раннебулгарского времени, где количество клинкового оружия в общем числе погребений крайне мало (Измайлов, 1989, с. 107–121). Например, в Танкеевском могильнике на исследованное количество более 1000 погребений следы сабли известны в шести случаях, а сами клинки встречены всего два раза, в свыше 360 погребениях Большетарханского могильника оружие выявлено в 31 погребении, а сабель всего две. Разительно отличается от этой картины только погребения Большетиганского могильника

ка, где на более чем 150 погребений в 17 обнаружено оружие, но из них в 9 – сабли. Понятно, что это определенный показатель различий разных слоев общества в военной организации, а небольшое количество оружия указывает на серьезную социальную дифференциацию. Но, к сожалению, для прямого сопоставления археологического с комплексом вооружения, военной организацией и социальным слоем этого явно недостаточно.

Разумеется, на все эти социологические подсчеты влияет то, что значительная часть всех этих могильников была разграблена еще в древности (или обряд «обезвреживания», или просто грабительские вкопы). Как бы то ни было, но все это снижает до критического уровня возможность серьезного анализа статистических и сравнительных данных. Но даже не это главная беда прямых социоархеологических сопоставлений. В целом ряде катакомбных и скальных захоронений Предкавказья обнаружены вотивные предметы из недолговечных материалов – дерева, кожи и т.д. Не исключено, что некоторая часть погребений, которые мы считаем безынвентарными в реальном мире имели полный набор предметов, которые в силу особенностей археологизации просто не сохранились. Другой проблемой является то, что мы слабо представляем половозрастную стратификацию обществ. Например, пожилой патриарх большого семейства при погребении мог сопровождаться набором вотивных предметов, поскольку свое оружие и вещи передал своим потомкам, тогда как молодой человек, не оставивший потомства, мог быть погребен со значительным количеством оружия. Очевидно, именно такая кар-

тина наблюдается в Большетиганском могильнике, где несколько богатых погребения с оружием и конским снаряжением принадлежали молодым людям фертильного возраста.

Примерно с такими же проблемами сталкиваются археологи-оружиеведы, когда начинают анализировать погребения населения Золотой Орды на предмет выявления статистической закономерности в распределении предметов вооружения, определения комплекса вооружения и выявления структуры военной организации. Так, археолог и военный историк В.А. Иванов, проанализировав 1022 погребения, совершенных по языческому обряду (т.е. сопровождалось погребальным инвентарем и конскими захоронениями), обнаружил, что только 333 (или 32,6%) из них содержат предметы вооружения, а 70,8% из них сопровождалось еще и конским комплексом (целый остов коня, голова и шкура коня и/или всадническое снаряжение). При этом полное вооружение (доспех, сабли) имели около 2% погребенных, луки и сабли – 9%, сабли – 3,6%, копья – 2,4% и просто луки и стрелы – почти 78% погребенных (Иванов, 2011, с. 72–77). Автор, останавливаясь на причинах столь редких находок качественного профессионального вооружения, делает вывод о его значительной ценности, что заставляло родичей класть его в погребение в исключительных случаях, а также о том, что подобное оружие вообще не было характерно для татарского комплекса вооружения (Иванов, 2011, с. 77).

Вывод этот представляется излишне категоричным. Во-первых, с военно-исторической точки зрения. Процент воинов, владевших полным вооружением и/или другим профес-

сиональным оружием – саблями и копьями – довольно высок (17%). Если проецировать эту ситуацию на средневековые страны Востока и Запада, то количество рыцарей в составе их войск не превышает 5–15%. Иными словами, если отвлечься от реалий и оставаться в виртуальном мире математической статистики, то и тогда нет никаких оснований полагать, что уровень вооруженности войск Золотой Орды был крайне низок. Он даже по этим данным был гораздо выше (я не говорю уже об археологических данных, поскольку для средневековой Европы вообще нет сопоставимых комплексов вооружения), чем в ряде средневековых стран. Тем более нет оснований, чтобы использовать эти данные для дискредитации выводов коллег о характере золотоордынского вооружения. Ведь представления о комплексе золотоордынского вооружения и структуре ее военной организации складываются не только из анализа некоего количества предметов вооружения из погребений, сколько из всех находок оружия, включая находки из слоев поселений, анализа изобразительных источников и данных письменных источников. Анализ ограниченного и дискретного материала не может служить серьезным аргументом.

Самое главное, что данная статистика не полна и является слишком общей. Например, судя по анализу вооружения из золотоордынских погребений XIII–XIV вв. из степей Предкавказья, количество погребений с саблями, кинжалами, луком и стрелами и иногда с копьями составляет 30,8%, просто саблями, кинжалами вместе с луком и стрелами – 32%, а только с саблями – 8,5% из общего количества погребений с оружием (см.:

Chkhaidze, Druzhinina, 2011, p. 8–9.). Иными словами, в определенных регионах Улуса Джучи относительная вооруженность населения была намного выше, чем в среднем по всей стране. Из этого можно сделать вывод о концентрации военной аристократии в отдельных регионах, об этнокультурных традициях или некоторых других факторах погребальных ритуалов некоторой части населения Золотой Орды.

Во-вторых, из-за ущербности самого подсчета. С одной стороны, сами эти статистические расчеты весьма относительны, поскольку считать только так называемые «языческие» погребения как источник по изучению вооружения неверно. В то время как они составляют до 40% всех погребений. Во-вторых, с середины XIV в. мусульманские могилы составляют подавляющее количество всех погребений. Следовательно, автор не учитывает всю совокупность материалов, а оперирует некоей искусственно ограниченной совокупностью, которая существовала не весь период существования золотоордынской археологической культуры, а только неким ее отрезком.

Автор вполне очевидно полагает, что оружием владели только язычники, а военное дело Золотой Орды прекратило свое существование в XIV в. Но это не имеет абсолютно никакого отношения к действительности. Татары-мусульмане, судя по письменным источникам, составляли значительную часть войска. Вполне возможно предположить, что они были вооружены и защищены доспехами гораздо лучше других воинов.

Это как раз доказывает, что простая археологическая статистика без

ее сопоставления с другими данными сама по себе ничего не доказывает. Данный пример – хорошая иллюстрация ущербности попыток прямого сопоставления данных археологии с вооружением древнего и средневекового населения.

Еще один аспект социологической интерпретации предметов вооружения связан с анализом места того или иного предмета вооружения в системе культуры. Совершенствование методов социологической интерпретации археологических данных может позволить более системно и последовательно их интерпретировать. Одним из направлений этого анализа является изучение древних и средневековых обществ методами этнологического анализа, выявляя социальные и общественные функции оружия.

Например, известно, что для средневековой Европы важную социальную функцию играл меч, щит, стрелена, копье со знаменем. Есть целый ряд источников, выделяющих именно эти виды оружия среди других. Но эти данные имеют скорее сословно-социальный характер. Если для средневековых обществ место того или иного оружия в системе комплекса вооружения и классовой структуре более или менее понятно, то для более древних обществ подобная интерпретация менее очевидна.

В более ранних обществах гораздо большую роль играли возрастные и статусные общности. Так, у скотоводческих племен Восточной Африки, где войны играли важную роль в межплеменных взаимоотношениях, а в социальной организации главенствовали возрастные поколения. Каждая такая группа проходила за свою жизнь несколько возрастных стадий,

для которых были характерны особые элементы культуры (одежда, украшения, прически, символы статуса и др.), а для различных стадий – свои стили их оформления. Важнейшим видом оружия у этих племен были копья, стиль украшения которых отличал одну возрастную когорту от другой. Копья означали силу, военную доблесть, возрастную солидарность и социальный ранг. Характерно, что каждый новый стиль вырабатывался подростками в период инициации или во время проведения инициации, а источником вдохновения служило заимствование стилистических особенностей копий соседних племен, имеющих высокий авторитет. Каждая из них получала свои копья от своих кузнецов или у родственных групп, хотя они нередко бывали сложнее и дороже, чем получать их у неродственных соседей. Однако по стилю копья, сделанные разноплеменными кузнецами, бывали порой практически идентичными, что диктуется модой, ориентирующейся на племенную группу, прославившуюся военными подвигами. Наличие подобных копий противопоставляло этот класс воинов их детям и старикам, имеющим копья менее престижных стилей⁷.

Таким образом, можно сказать, что для создания представления о реальной вооруженности древнего населения на основании данных погребальных комплексов требуется провести целый ряд процедур, суть которых в реконструкции, своего рода обрат-

⁷ Приношу благодарность В.А. Шнирельману, обратившему мое внимание на эту воинскую традицию и литературу о ней. Подробнее см.: Hodder, 1982; Larick, 1985, p. 201–215; Larick, 1991, p. 299–331.

ном воспроизведении всех ритуалов и обрядов, чтобы в конечном итоге получить такую реконструктивную реальность, как комплекс вооружения древнего населения. Необходимость всех этих процедур в том, что поскольку прямое сопоставление ископаемого оружия из погребений с реальным вооружением невозможно, требуется проведение с помощью спе-

циальных методик реконструкцию, как самого комплекса вооружения, так и его социальной интерпретации. Анализ предметов вооружения и критериев его социальной и военно-исторической интерпретации возможен только при учете многих конкретных культурно-исторических и военных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алекшин В.А.* Социальная структура и погребальная обрядность древнеземледельческих обществ. – Л., 1986.
2. *Археология и естественные науки.* – М., 1970.
3. *Бетров Р.Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. – Нальчик, 1982.
4. *Бунятян Е.П.* Методика социальных реконструкций в археологии. – Киев, 1985.
5. *Гей А.Н.* Проблема социальной дифференциации и эволюции общества степных скотоводов бронзового века (на примере новотиторовской и катакомбной культур Степного Прикубанья) // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М., 1993.
6. *Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
7. *Генинг В.Ф.* Структура археологического познания: (Проблема социально-исторического исследования). – Киев, 1989.
8. *Грачева Г.Н.* Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии. – М., 1975.
9. *Гуляев В.И.* Проблемы интерпретации погребального обряда в археологии // КСИА. – 1990. – Вып. 201.
10. *Гуляев В.И.* Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию) // РА. – 1993. – № 1.
11. *Гуляев В.И.* Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) // РА. – 1995. – № 2.
12. *Даниленко В.Н.* Энеолит Украины. – Киев, 1974.
13. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. Т. 55. – М., 1960.
14. *Иванов В.А.* Вооружение золотоордынского войска в историческом и археологическом контекстах: где истина? // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола. – Казань, 2011.
15. *Измайлов И.Л.* Оружие ближнего боя волжских болгар VIII–X вв. // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989.
16. *Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М., 1975.
17. *Клейн Л.С.* Новая археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). – Донецк, 2009.

18. *Корневский С.Н.* Археологические признаки социальной дифференциации в погребальном обряде эпохи энеолита, ранней бронзы Центрального Предкавказья // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1988.
19. *Курта Ф.* Археология идентичностей в Восточной Европе (VI – первая половина VII в.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2008. – № 2 (4).
20. *Лебедев Г.С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. – 1976. – Вып. 148.
21. *Лебедев Г.С.* Разновидности обряда трупосожжения в могильнике Бирка // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970.
22. *Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А.* Погребение как объект формального анализа // КСИА. – 1977. – Вып. 148.
23. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. – Л., 1978.
24. Математические методы в исторических исследованиях. – М., 1972.
25. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. – 1986. – № 1.
26. *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. – 1993. – № 1.
27. *Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. – 1995. – № 2.
28. *Периц А.И.* Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. – М., 1968.
29. *Плетнева С.А.* Кочевники раннего средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982.
30. *Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М., 1989.
31. Погребальный обряд: реконструкция древних идеологических представлений. – М., 1999.
32. *Полесских М.Р.* Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиевского типа // СА. – 1968. – № 1.
33. *Смирнов Ю.А., Тендрякова М.В.* О роли обыденного сознания в археологической реконструкции. Погребальный обряд // КСИА. – 1990. – Вып. 201.
34. *Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М., 1997.
35. *Соколова З.П.* Социальная организация у обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Сибири. – М., 1970.
36. *Соколова Р.Б.* Эволюция этнического конфликта в Бурунди. – М., 1998.
37. Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М., 1993.
38. Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970.
39. *Флеров В.С.* О социальном строе в Хазарском каганате (на материалах Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества (поиск археологических критериев). – М., 1993.
40. Формализованно-статистические методы в археологии. – Киев, 1990.
41. *Binford L.R.* Archaeology as Anthropology // *American Antiquity*. – 1962. – Vol. 28. – № 2.
42. *Binford L.R.* Mortuary practices: Their study and their potential // *Memoris of the Society for American Archaeology*. – 1971. – № 25.

43. Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A. The military organization of nomads of steppe Cis-caucasia in XII-XIV centuries // *Medieval Nomads/ Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe*. – Szeged, 2011.

44. Hodder I. Symbols in action. Ethnoarchaeological studies of material culture. – Cambridge, 1982.

45. Kroeber A.L. Disposal of the Dead // *American Anthropology*. – 1927. – № 29.

46. Larick R. Spears, style, and time among Maa-speaking pastoralists // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1985. – Vol. 4. – № 1.

47. Larick R. Warriors and blacksmiths: mediating ethnicity in East African spears // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 1991. – Vol. 10.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лирунович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

MORTUARY AND FUNERAL CEREMONIALISM AND A AMOURS COMPLEX OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL POPULATION (TO PROBLEM STATEMENT)

I.L. Izmailov

The article is devoted to one of the major aspects of archeology: the reconstruction of social relations on the basis of data on burial and mortuary ceremonialism. Attention is mainly focused on the theoretical problems of the ratio of the “living” reality and its reflection in funeral monuments, especially on the armor as the key material used to determine the social status and restore the armor complex of ancient and medieval societies.

Key words: archaeology, burial ground and burial rite, grave goods, socioarchaeology, method of “ascension”, ethnoarchaeology, reconstruction and socio-cultural interpretation of archaeological material, armor, armor complex.

REFERENCES

1. Alekshin, V. A. 1986. *Sotsial'naia struktura i pogrebal'naia obriadnost' drevnezemel'del'cheskikh obshchestv (Social Structure and Funerary Rite of the Early Agricultural Societies)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. *Arkheologiya i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. 1970. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Betzov, R. Zh. 1982. *K drevnei istorii plemen Tsentral'nogo Kavkaza (On the Ancient History of Central Caucasian Tribes)*. Nalchik: “Elbrus” Publ. (in Russian).

4. Bunyatyan, E. P. 1985. *Metodika sotsial'nykh rekonstruktsii v arkeologii. Na materiale ranneskijskikh mogil'nikov (Methodology of Social Reconstructions in Archaeology: on the Materials of Early Scythian Burial Grounds)*. Kiev: “Naukova dumka” Publ. (in Russian).

5. Gei, A. N. 1993. In *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (poisk arkeologicheskikh kriteriev) (Social Differentiation of Society: determining archaeological criteria)*. Moscow: “Nauka” Publ., 42-77 (in Russian).

6. Gening, V. F. 1988. *Etnicheskaia istoriia Zapadnogo Priural'ia na rubezhe nashei ery: P'ianoborskaia epokha III v. do n.e. — II v. n.e. (Ethnic History of Western Cis-Urals Area on the Turn of Ages: Pyanyi Bor Culture of 3rd Century BC — 2nd Century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

7. Gening, V. F. 1989. *Struktura arkhеologicheskogo poznaniia (Problema sotsial'no-istoricheskogo issledovaniia) (Structure of Archaeological Knowledge: Problem of the Social-Historical Research)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
8. Gracheva, G. N. 1975. In Reshetov, A. M., Taksami, Ch. M. (eds.). *Sotsial'naia istoriia narodov Azii (Social History of the Peoples of Asia)*. Moscow: "Nauka" Publ., 126-142 (in Russian).
9. Guliaev, V. I. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 201, 103-109 (in Russian).
10. Guliaev, V. I. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 76-77 (in Russian).
11. Guliaev, V. I. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 84-85 (in Russian).
12. Danilenko, V. N. 1974. *Eneolit Ukrainy (The Eneolithic of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
13. Dolgikh, B. O. 1960. *Rodovoi i plemnoi sostav narodov Sibiri v XVII v. (The Kinship and Tribal Composition of the Indigenous Population of Siberia in the 17th Century)*. Series: Proceedings of the Institute for Ethnography, Academy of Sciences of the USSR, New Series, 55. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
14. Ivanov, V. A. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniia (The Golden Horde Warfare: Issues and the Perspectives of Studying)*. Kazan: "Foliant" Publ., 72-77 (in Russian).
15. Izmailov, I. L. 1989. In *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (Early Bulgarians in Eastern Europe)*. Kazan: Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 107-121 (in Russian).
16. Kamenetskii, I. S., Marshak, B. I., Sher, Ya. A. 1975. *Analiz arkhеologicheskikh istochnikov (vozmozhnosti formalizovannogo podkhoda) (Analysis of Archaeological Sources: Possibilities of the Formalized Approach)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Klejn, L. S. 2009. *Novaia arkhеologiia (kriticheskii analiz teoreticheskogo napravleniia v arkhеologii Zapada) (The New Archaeology)*. Donetsk: Donetsk National University (in Russian).
18. Korenevskii, S. N. 1988. In *Pogrebal'nyi obriad drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnogo Kavkaza (Funerary Rite of Ancient and Medieval Population of Northern Caucasus)*. Ordzhonikidze: Kosta Khetagurov North Ossetian State University, 6-20 (in Russian).
19. Curta, Fl. 2008. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2 (4), 133-154 (in Russian).
20. Lebedev, G. S. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 148, 24-30 (in Russian).
21. Lebedev, G. S. 1970. In *Statistiko-kombinatornye metody v arkhеologii (Combinatory-Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ., 180-190 (in Russian).
22. Leonova, N. B., Smirnov, Yu. A. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhеologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 148, 16-23 (in Russian).
23. Masson, V. M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyi stroi drevnikh obshchestv (Economy and Social Structure of Ancient Societies)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Koval'chenko, I. D. (exec. ed.). 1972. *Matematicheskie metody v istoricheskikh issledovaniakh (Mathematic Methods on Historical Studies)*. Moscow: "Nauka" Publ., "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).
25. Ol'khovskii, V. S. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 65-76 (in Russian).
26. Ol'khovskii, V. S. 1993. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 78-93 (in Russian).
27. Ol'khovskii, V. S. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 85-98 (in Russian).

28. Pershits, A. I. 1968. In Pershits, A. I. (ed.). *Razlozhenie rodovogo stroia i formirovanie klassovogo obshchestva (Disintegration of Tribal Society and Development of Class Society)*. Moscow: "Nauka" Publ., 320-355 (in Russian).
29. Pletneva, S. A. 1982. *Kochevniki Srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei (Nomads of Middle Ages. Looking for Historical Patterns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
30. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (On the Border Between Slavs and Khazars. Dmitriev Archaeological Complex) (On the Border Between Slavs and Khazars. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
31. Guliaev, V. P. (ed.). 1999. *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii (Funerary Rite: Reconstruction and Interpretation of the Ancient Ideological Representations)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
32. Polesskikh, M. R. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 198-207 (in Russian).
33. Smirnov, Yu. A., Tendriakova, M. V. 1990. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Concise Bulletins of the Institute for Archaeology)* 201, 68-73 (in Russian).
34. Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniia. Issledovanie, teksty, slovar' (Labyrinth: Morphology of Intentional Burial. Study, Texts, Dictionary)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
35. Sokolova, Z. P. 1970. In Gurvich, I. S., Dolgikh, B. O. (eds.). *Obshchestvennyi stroi u narodov Severnoi Sibiri, XVII — nachalo XX vv. (Social Structure with the Peoples of Northern Siberia: 17th — early 20th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103-153 (in Russian).
36. Sokolova, R. B. 1998. *Evolutsiia etnicheskogo konflikta v Burundi (Evolution of the Ethnic Conflict in Burundi)*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian).
37. Afanas'ev, G. E. (exec. ed.). 1993. *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (poisk arkheologicheskikh kriteriev) (Social Differentiation of Society: determining archaeological criteria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
38. Kolchin B. A., Sher Ya. A. (eds.). 1970. *Statistiko-kombinatornye metody v arkheologii (Combinatory-Statistic Methods in Archaeology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
39. Flerov, V. S. 1993. In *Sotsial'naia differentsiatsiia obshchestva (poisk arkheologicheskikh kriteriev) (Social Differentiation of Society: determining archaeological criteria)*. Moscow: "Nauka" Publ., 119-133 (in Russian).
40. Gening, V.F., Buniatian, E.P., Pustovalov, S.Zh., Rychkov, N.A. 1990. *Formalizovannostatisticheskie metody v arkheologii (analiz pogrebal'nykh pamiatnikov) (Formalized-Statistic Methods in Archaeology (Analysis of Funerary Sites))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
41. Binford, L. R. 1962. Archaeology as Anthropology. In *American Antiquity* 28 (2), 217-225.
42. Binford, L. R. 1971. Mortuary practices: Their study and their potential. In *Memoris of the Society for American Archaeology* 25, 6-29.
43. Chkhaidze, V. N., Druzhinina, I. A. 2011. The military organization of nomads of steppe Ciscaucasia in XII-XIV centuries. In *Medieval Nomads. Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe*. Szeged, 8-9.
44. Hodder I. 1982. *Symbols in action. Ethnoarchaeological studies of material culture*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
45. Kroeber, A. L. 1927. Disposal of the Dead. In *American Anthropologist* 29 (3), 308-315.
46. Larick, R. 1985. Spears, style, and time among Maa-speaking pastoralists. In *Journal of Anthropological Archaeology* 4 (1), 206-220.
47. Larick, R. 1991. Warriors and blacksmiths: mediating ethnicity in East African spears. In *Journal of Anthropological Archaeology* 10, 299-331.

About the Authors:

Izmaylov Iskander L. Candidate of Historical Sciences. Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

